

романе этот мотив, очищенный от наслоений подробностей, обретает чистоту и душе-раздирающий драматизм.

В «Погребенном великане» автор нашел тонкое равновесие между реализмом и условностью, между сюжетными, психологическими — и символическими составляющими повествования, чего не хватало, например, романам «Когда мы были сиротами» и «Не отпускай меня».

Что сказать в заключение? Я в этой статье не намеревался подвести итог и вынести результирующую оценку творчеству писателя. Он, слава богу, продолжает свой путь, а результирующие оценки — дело вкусовое и ненадежное. К тому же надо принимать во внимание смену вкусов эпохи. Еще на моей памяти подчеркнутый лаконизм Хемингуэя (с предполагаемым богатым подтекстом) служил для многих эталоном стиля. А «глубоководный» психологизм Фолкнера с мощным потоком сознания освещал потаенные стороны внутренней жизни. А емкие метафоричные модели Сартра и Камю, Макса Фриша и Кобо Абэ позволяли лучше понять экзистенциальную ситуацию современного человека. Где сейчас все это?

Если мне удалось здесь прояснить неочевидные особенности и внутренние закономерности художественного («зыбкого») мира Исигуро — этого достаточно. И все же не удержусь от короткого субъективного суждения.

Кадзуо Исигуро — автор, для которого важно не столько передать «мессидж», сколько создать настроение, атмосферу. Добивается он этого разными средствами: повторами, преобладанием описаний, пространных диалогов над прямым действием; маятниковым раскачиванием сюжета между прошлым и настоящим; недоговоренностью, загадками и обманчивыми разгадками, словно скрывающими от читателя нечто более глубокое и важное... Работает это не всегда: порой тексты Исигуро оказывается в опасной близости к банальности, чтобы не сказать — к пустословию.

Но в лучших своих вещах он достигает подлинного эффекта многозначности, глубинного эмоционального воздействия, создает магический колорит «нездешности», поднимает нас над плоскостью обыденного восприятия. Как будто за словами, сюжетными конструкциями и коллизиями брезжит истина, которую вот-вот удастся постичь. И еще: почему-то при чтении Исигуро у меня в сознании все время всплывала строка Мандельштама, полная печали и оксюморонов: «И тишину переплывает полных птиц незвучный хор...»

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Морской журнал: 1928—1942. Библиографический указатель. Сост. и предисл. Т. Акуловой, Н. Кузнецова. М.: Русский путь, 2018. — 496 с.: ил.

Оказавшись за границей после окончания Гражданской войны, солдаты, матросы и офицеры не растворились бесследно в чуждой социальной среде, а в массе своей духовно сплотились, организовывались в союзы и группы. Ревностно соблюдали ритуалы, хранили традиции и реликвии русской армии и флота, создавали военно-учебные заведения, вели военно-научную работу, выпускали военно-периодические издания. «Морской журнал» — один из самых известных, интересных и информативных изданий русской военной эмиграции. Он выходил в Праге ежемесячно с января 1928 года по январь 1942-го. Всего вышло 148 номеров. Его издателем и редактором был лейтенант Российского императорского флота, сотрудник Русского загранично-

го исторического архива, председатель Пражской кают-компании Михаил Сергеевич Стахевич (1893—1948). О его судьбе и об истории создания и существования журнала подробно рассказано во вступительной статье. Идея создать «Морской журнал», признавался М. Стахевич, «вынашивалась не коммерческими соображениями, а чисто идейными: разбросанность членов единой морской семьи по всем странам мира, отсутствие живой связи между ними, невозможность в нужную минуту сказать свое слово — диктовали необходимость иметь свой орган». Задачи нового издания он обозначил в первом же номере: «поддержать в морях... бодрость духа, напоминая славное прошлое Российского флота за время двухсотлетнего служения его родине»; «служить всемерно целям единения морских офицеров», «знакомить с жизнью отдельных членов морской семьи, давать им возможность обращаться к сослуживцам и соплывателям за советом и помощью», «посильно знакомить офицеров российского флота с новейшими техническими достижениями флотов иностранных держав». Тематика публикаций была самая разнообразная: исторические статьи, посвященные действиям русского флота в годы войн, начиная с петровского времени; жизнеописания выдающихся адмиралов и офицеров российского флота; работы по современным на тот период вопросам развития флота. Среди авторов журнала были яркие представители русской эмиграции: писатели, историки, а также армейские и гвардейские офицеры. Из номера в номер печатался список объединений офицеров Российского императорского флота в эмиграции, дополнялся, уточнялся. География объединений обширна: они действовали не только в Европе, но и в Америке, в Азии. Освещалась деятельность объединений. Журнал следил за жизнью в Советской России: появлялись статьи о разорении русских церквей, о разрушении Андреевского собора в Кронштадте в 1934 году, о расстреле трех тысяч бывших офицеров царской армии (в том числе морских), участников так называемого Соловецкого заговора. По материалам книги, вышедшей в Ленинграде в 1931 году, был подготовлен материал о приговоре 1921 года морякам из Кронштадта. М. Стахевич занимал резкую антисоветскую позицию. Приветствовал Мюнхенское соглашение: «...в случае боевого сотрудничества, мы все отчетливо представляли — конечно, массовое наше уничтожение. Уничтожение не местными людьми, а советчиками. Нашими заклятыми и всегдашними врагами. Теперь такой угрозы нет». В 1941—1942 годах «Морской журнал» фактически стал органом Управления делами российской эмиграции, созданного в Берлине в 1936 году. На его страницах были опубликованы материалы собрания русских организаций Праги в поддержку Германии в ее борьбе с большевизмом. После того как советские войска вошли в Прагу, семья Стахевича бежала в Баварию, затем перебралась в США. В годы издания журнал имел практическое значение: в каждом номере в разделе «розыски» помещались имена разыскиваемых родных, знакомых и сослуживцев. Десятки лиц нашли при помощи этих заметок тех, кого считали потерянными навеки. Журнал выполнил задачу, намеченную издателем: в конце 1920-х — начале 1940-х годов он стал главным органом связи между всеми морскими офицерами-эмигрантами. Сегодня журнал приобрел новое значение. Лишь благодаря ему сохранились фрагменты никогда не издававшихся книг, воспоминаний. В его постоянной рубрике «О книгах, журналах и газетах» собирались и анонсировались самые значительные публикации соотечественников в разных изданиях, посвященные флотским, армейским и общероссийским проблемам. Информация о некоторых публикациях (особенно в эмигрантских газетах) дошла до современных исследователей только благодаря данным «Морского журнала». В указателе приведена подробная аналитическая роспись всех статей и материалов, опубликованных на страницах «Морского журнала». Книга снабжена обширным вспомогательным аппаратом. В приложении к вступительной статье публи-

куются — впервые — воспоминания М. Стахевича о его участии в Гражданской войне в составе Каспийской флотилии «Плавание наливного парохода „Вентюр“ под английским и Андреевским флагами в 1918–1920 годах». «Морской журнал» является не только «срезом» жизни русской военно-морской эмиграции в наиболее активный период ее деятельности, но и ценным источником по истории русского зарубежья в целом — его культурной, научной и политической жизни.

Павел Седов. Успенский Тихвинский монастырь и его архимандрит Боголеп накануне и в первые годы Северной войны. СПб.: Нестор-История, 2018. — 192 с.

Петровская эпоха, замечает Павел Седов, исследуется главным образом сквозь призму царских указов и распоряжений органов государственной власти. При этом «голос» подвластного населения едва различим. Обращение к богатому архиву Успенского Тихвинского монастыря, основанного по указу Ивана Грозного в 1560 году, позволяет автору по-новому взглянуть на время кануна и первых лет Северной войны, показать, как в новых сложных условиях люди разных сословий действовали не только под давлением сверху, но и по собственному почину, движимые желанием выжить. В центре исследования колоритная личность архимандрита Боголепа, бывшего настоятелем монастыря в 1697–1708 годах. Самые ранние сведения о Боголепе относятся к началу 1680-х годов, когда он «жил на Москве в Чюдове монастыре», до назначения в Успенский Тихвинский монастырь был настоятелем Николаевского Вяжицкого и Валдайского Иверского монастырей. В Николаевском Вяжицком монастыре развернул активную строительную деятельность, зримо утверждавшую никоновскую реформу и образ сильной и богатой церкви. Строить он продолжил и во вновь вверенной ему обители, но поддержки от братии не встретил, ибо затеял каменное и деревянное строительство «без братских приговоров по своим прихотям». Да еще на стройку «посылал неволею иеромонахов, иеродияконов и монахов, а которые ходить не могли на работу, и на тех правили денги по алтыну и по два гроши с человека на день». Обвиняли в том, что и новая каменная церковь обвалилась, и «водолейные трубы к поварне, и то не достроено ж, пропало». Доносы на свою строительную и хозяйственную деятельность вызвали страстный отклик Боголепа, новгородскому митрополиту Иову он писал: «А они, мятежники, называют меня, богомольца твоего, разорителем; и во всяких монастырских заводах и во всяком ходячем скоте, и в земляной роспашке учинены при мне, богомольце твоём, прибыли великие». Доносы относятся к 1703 году, жалобщики точно улучили момент: с возведением нового города на берегах Невы каменное строительство в монастырях было запрещено. Настоятельство Боголепа в Успенском Тихвинском монастыре пришлось на трудные годы. Северная война потребовала решительной мобилизации ресурсов, в том числе конфискации церковного имущества: изъятия казны у архиереев и монастырей, секуляризации значительной части их земельных владений. Новгородские монастыри несли дополнительные повинности по снабжению войск, строительству новой столицы на берегах Невы и созданию флота. Архиереи отвечали за исполнение государственных налогов и повинностей с подвластных монастырей, поставку рекрутов в армию, каменщиков и кирпичников к царским стройкам, зерна в казну. На нужды армии пришлось пожертвовать не только колокола. Требовался и редкий металл — красная медь. У населения изымали утварь, а обязанность платить за нее передали монастырю. Рост налогов и повинностей приводил к ссорам и конфликтам среди подданных, которые старались уменьшить свои беды за счет других налогоплательщиков или соседей, порождая интриги,

склоки, доносы. Боголеп, отстаивая интересы монастыря, конфликтовал с дворянами, с купцами, с посадскими людьми. На него жаловались обиженные им монахи. Обвиняли в запрещенном царем каменном строительстве, в том, что он препятствовал разрешенной царем торговле табаком и даже осудил ее, что он позже всех послал рекрутов в Новгород. Обвиняли в потворстве старообрядцам, в избиении дворян, в жестокости монастырского управления. Не все обвинения подтвердились, но какая-то часть была не беспочвенной. Властный и распорядительный Боголеп имел немало недругов. Он перехватывал доносы, сурово расправлялся с непокорными, хитрил, пытаясь скрыть от следствия правду по спорным делам. Боголепу покровительствовал владыка Иов, но и он ушел в тень, когда вскрылась история с укрывательством части монастырских доходов и существованием тайной казны, утаенной даже от братии. История о том, как прятали и перепрятывали казну, почти детективная. В 1708 году беспокойного настоятеля уволили на покой в Спасо-Нередицкий монастырь, где он и скончался в 1710 году. В этой книге — повседневная жизнь обители в суровых условиях начала Северной войны, запутанные дела прежних дней, живые голоса эпохи. Особое внимание уделено поведению участников событий: новгородского митрополита Иова, воевод окольничего П. Апраксина и боярина князя И. Трубецкого, дворян, монахов, посадских людей и крестьян. Автор проанализировал внутренние конфликты в монастыре, которые препятствовали духовенству отстаивать общие сословные интересы перед лицом грозных царских указов. Основными источниками для данного исследования стали челобитные, поданные на Боголепа новгородским воеводам, новгородскому митрополиту Иову, следственные материалы, а также внутренняя монастырская переписка Боголепа с его представителем в Новгороде — стряпчим Романом Фоминым. Чтобы избежать опасности тенденциозного изложения событий, которую таит выборочное цитирование, в приложении автор поместил наиболее значимые документы.

Елена ЗИНОВЬЕВА

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)